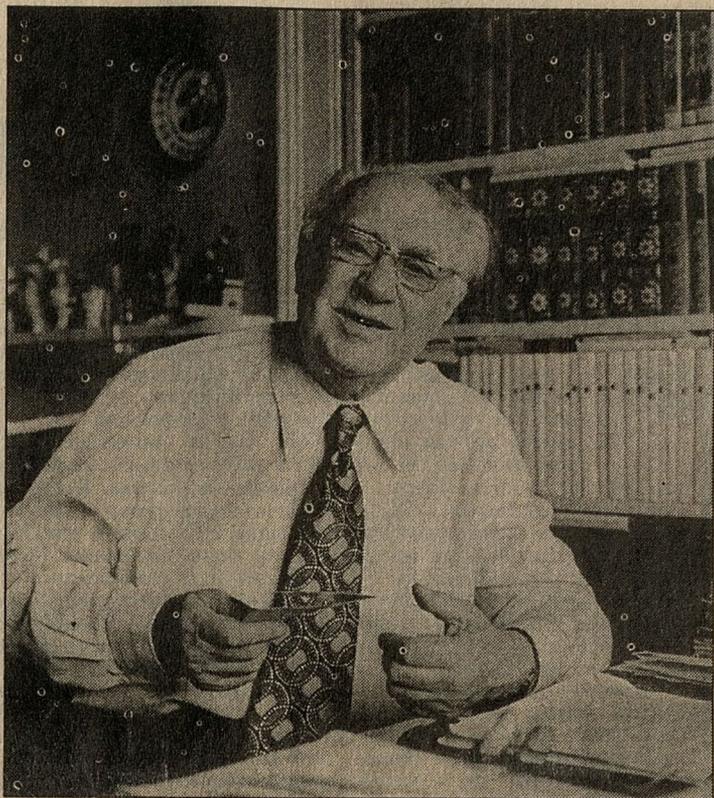

МИХАИЛУ ЖАРОВУ — 100. Не перестаешь удивляться тому, как природа из поколения в поколение ровно как на подбор «поставляет» актеров изумительного, отменного мастерства, буквально слепленных для Малого театра. Идея самой актерской сцены России, по все-му выходит, никогда не оскудеет — во всякую эпоху труппа притягивает к себе артистов, олицетворяющих русский характер с его медвежьей пружинистой силой, вялой барской развязностью и бесстрашной удалью.

Таков Михаил Жаров. Он из той счастливой и храброй когорты простолудинов, которых вывел «из грязи в князи» наш демократический век, почти ровесник актера. Паренек с Самотеки, честный сын типографского рабочего, с четырнадцати лет начавший трудиться на отцовском поприще, станет в будущем любимым актером огромной страны.

До революции он успел лишь походить по сцене статистом в знаменитом оперном театре Сергея Зимина. В 20-х он «взрослел» и становился профессионалом параллельно со становлением

Михаил Жаров, народный артист.
Фото ИТАР-ТАСС

К 100-летию Михаила Жарова

ЖАЖДА ЖИЗНИ

новой страны. Учился мастерству у Комиссаржевского, Бебутова и Зюнова — педагогов, приближенных к Мейерхольду. В 1938 году он выберет Малый театр, отдав ему последующие 43 года, половину жизни.

Везение или знак судьбы, что ему, сыгравшему потом многочисленных хамоватых бар, иронизируя и заставляя нас смеяться над отжившими или отживающими чертами «прошлого человека», в самом первом фильме довелось встретиться с бариним настоящим: в 1915 году Жаров играл в массовке плохого фильма «Царь Иоанн Грозный», где Федор Шалапин играл царя? В 1920-х его, переходившего из одного новоиспеченного театра в другой, поигравшего и в столице, и на фронтах, и в Баку, и в Казани, обыщет Яков Протазанов и снимет в четырех своих фильмах: в «Азлите», «Его призыве», «Человеке из ресторана», «Дон Диего и Пелагее». В знаменитом «Человеке из ресторана» (1927) Жаров встретится с Михаилом Чеховым, исполнителем роли Скореходова. Жаровская роль хамоватого и вороватого официанта-подьячего, презирающего тех, кто ниже его, — первая противоположность презираемому, страдающему «маленькому человеку» Чехова. В этом противопоставлении заключена вся разница характеров и актерских индивидуальностей. Михаил Чехов — неврастеничный трагический гений, Жаров — открытый, общительный, легкий на подъем, способный с тратой равного количества сил сыграть и злодея, и миролюбца.

Так и будет колебаться вся его актерская биография между хамами новых времен и героями нарасхват, простыми, хорошими людьми, которым «езде у нас дорога», вроде знаменитого матроса Алексея из спектакля Алек-

сандра Таирова «Оптимистическая трагедия». С возрастом последних ролей станет все больше, и «лирический герой» артиста Михаила Жарова докажет правдивость расхожих слов, что к старости человек становится своим антиподом.

Михаил Жаров собирает целую коллекцию негодяев и прохиндеев всех мастей и эпох: Тринкуло в «Буре», Кудряш в «Грозе» (в кино и в театре), Иннокентий в «Сердце не камень», Брандахлыстов в спектакле Мейерхольда «Смерть Тарелкина», Мурзавецкий в «Волках и овцах». В фильме 1938 года «Медведь» по одноактовке Чехова он сыграет *дореволюционного хама* — помещика Смирнова, приходящего в дом вдовы (Ольга Андровская) с требованием вернуть мужнин долг. Грубоватый хищник, бесперомонный террорист, апостол безобразия, он своими грубыми, хотя и не без доли хулиганского обаяния, повадками принуждает бедную женщину — себя влюбиться, при этом как-то стихийно, неожиданно для самого себя.

В фильме «Путевка в жизнь» (1931) Жиган в исполнении Михаила Жарова — это *советский хам*, главарь воровской шайки. В этом «фильме воспитания», который предлагает путь нравственного очищения через труд на строительстве Беломорканала, герой Жарова олицетворяет темные антисоветские силы, которые не перевоспитать никакой педагогией.

И третий тип кинонегодяев Жарова — «наследие царского режима» Дымба из трилогии о Максиме Козинцева и Трауберга. Жаров утвердил те непременные атрибуты эрзац-барства, которые потом будут переходить из образа в образ, — узкая рюмочка в оперстненной руке, тройка с чешуйчатой яркой жилеткой и

грязноватым платочком в кармашке, пьяные влажные губы, оттопыренный пальчик. Именно Дымба пропоет песню, которая станет гимном обедневших дворянчиков и опустившихся белогвардейцев, которым «жизни больше дай»: «Цыпленок жареный, цыпленок пареный...»

Ему повезло. Он мог остаться среди одних негодяев, закрепив за собой одноединственное амплу. Мог играть только новых героев. Он сыграл и тех, и других, как-то легко переходя «из тени в свет». Жаров представляет и галерею положительных персонажей с не меньшей жаждой жизни — правдивых, героических, крепких, «советских», и пусть последнее слово не режет слух, оно в данном случае гарантия полезных качеств. Меншиков в фильме «Петр I» с его русской удалью и хитрым умом, этакий русский Одиссей в государственном масштабе. Командир дивизии морских охотников Харитонов в спектакле и фильме по пьесе Лавренева «За тех, кто в море». И, конечно же, следовательно Анискин — детектив, Мегрэ по-советски, служащий не ради собственной славы, а для пользы государства, ограниченного родным селом. В Анискине Жаров поднимется против всех своих бывших героев — ворюшек, хулиганя, мелких злодеев и будет бороться с ними мудрой улыбкой, терпением, деревенским неторопливым «манером», добротой старика, который не растрачивает себя попусту, бережет. Только самый простой, самый бесхитростный, самый нравственно безупречный Анискин способен распутать козни деревенских преступников. Как будто зло можно устранить мягкостью и добросердечием. Это урок артиста Михаила Жарова — а он-то знал, как и зачем нужно играть.

*Независимая
газета. - 1999,
- 29 окт. - с. 7*